

Электронное доказательство: необходимый этап развития уголовного судопроизводства¹

Аннотация. Цифровизация уголовно-процессуальной деятельности — комплексный процесс, неизбежно затрагивающий процедуру доказывания. Одной из наиболее дискуссионных тем в этом направлении остается возможность введения нового вида (источника) доказательств — электронного доказательства. В статье рассматриваются различные научные подходы, оспаривающие необходимость его существования. Высказывается точка зрения о возможных причинах подобной тенденции. Поддерживается позиция ученых, выступающих за дальнейшую разработку и внедрение электронного доказательства. Описываются особенности существования информации в электронном виде. Анализируется влияние производного характера виртуального пространства на получаемые в результате познавательной деятельности сведения. Констатируются проблемы разграничения носителя информации и его содержания. Исследуется специфика использования сведений в электронной форме в контексте первоначальных и производных доказательств. Обращается внимание на необходимость разработки критериев электронного доказательства в направлении аутентификации данных, а также обязательного привлечения на отдельных этапах лиц, обладающих специальными знаниями. Приводится зарубежный опыт использования в процессе доказывания различных электронных устройств. Подчеркивается повсеместное внедрение цифровых технологий аудио- и видеофиксации. Анализируется понятие «цифровое доказательство».

Ключевые слова: уголовный процесс; цифровизация; электронное доказательство; цифровое доказательство; виды (источники) доказательств; доказывание; вещественные доказательства; иные документы.

Для цитирования: Обидин К. В. Электронное доказательство: необходимый этап развития уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 11. — С. 198–206. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.198-206.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16041.

© Обидин К. В., 2020

* Обидин Кирилл Вячеславович, помощник адвоката международного адвокатского бюро «Глинка, Рубинштейн и партнеры»

Сретенский б-р, д. 5, г. Москва, Россия, 107045
obidinkirill.2018@gmail.com

Electronic Evidence: A Necessary Stage in Criminal Justice Development²

Kirill V. Obidin, Assistant Attorney at "Glinka, Rubinstein & Partners" International Law Firm
Sretenskiy blvd., d. 5, Moscow, Russia, 107045
obidinkirill.2018@gmail.com

Abstract. Digitalization of criminal procedural activity is a complex process that inevitably affects the establishment of evidence procedure. One of the most controversial topics in this direction is the possibility of introducing a new type (source) of evidence: electronic evidence. The paper discusses various scientific approaches that challenge the necessity of its existence. The author expresses his point of view on the possible reasons for this trend. The position of scientists advocating the further development and implementation of electronic evidence is supported. The features of the existence of information in electronic form are described. The influence of the derived nature of the virtual space on the information obtained as a result of cognitive activity is analyzed. The problems of differentiating the information carrier and its content are stated. The specificity of the use of information in electronic form in the context of initial and derivative evidence is investigated. Attention is drawn to the need to develop criteria for electronic evidence in the direction of data authentication, as well as the mandatory involvement at certain stages of persons with special knowledge. The foreign experience of using various electronic devices in the establishment of evidence process is presented. The widespread introduction of digital audio and video recording technologies is emphasized. The concept of "digital evidence" is analyzed.

Keywords: criminal procedure; digitalization; electronic evidence; digital evidence; types (sources) of evidence; proof; evidence; other documents.

Cite as: Obidin KV. Elektronnoe dokazatelstvo: neobkhodimyy etap razvitiya ugovnogo sudoproizvodstva [Electronic Evidence: A Necessary Stage in Criminal Justice Development]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(11):198-206. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.198-206. (In Russ., abstract in Eng.).

Беспрецедентные темпы развития современных технологий до недавнего времени являлись откровенным вызовом для представителей различных областей юридической науки. Необходимость урегулирования общественных отношений, участники которых активно развивали цифровое пространство, была бесспорна. Несмотря на это, робкие попытки цифровизации уголовно-процессуальной деятельности свидетельствовали скорее о консерватизме сформированных ранее доктринальных подходов и об отчасти оправданной осторожности в определении правового положения и значения уже используемых в уголовном судопроизводстве передовых технологий. В научной литературе уже высказывались предложения по дальнейшему внедрению цифровых технологий в уголовный процесс³, однако никто

не мог предсказать, что испытание, с которым столкнулось человечество в начале нового десятилетия, наглядно продемонстрирует уязвимость современной научной школы в этом направлении. Оказалось, что в условиях экстраординарной эпидемиологической обстановки использование цифровых технологий является одним из наиболее безопасных и эффективных инструментов для решения в том числе и процессуальных задач, при этом пределы допустимого реформирования правоотношений остаются пока не столь очевидными.

Возможность детально разобраться в приобретенном опыте и его последствиях для современной уголовно-процессуальной науки появится только после анализа решений, принимавшихся во время «изоляции» общества, их достоинств и недостатков. Но уже сейчас оче-

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-16041.

³ См.: Александров А. С., Андреева О. И., Зайцев О. А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 202–207.

видно, что особую актуальность приобретает научное исследование изменения познавательных механизмов, используемых для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, а также способов организации процедуры доказывания в условиях новых потребностей «цифровой эпохи».

Необходимо уделить внимание и уточнению используемой терминологии. Современная уголовно-процессуальная наука крайне неоднозначно относится к вопросу о понятии «электронное доказательство», его соотношению с понятием «цифровое доказательство», а также раскрытию их содержания. С одной стороны, современная классификация видов (источников) доказательств имеет глубокую степень научной разработанности представителями как дореволюционной и советской, так и современной процессуальной теории. Несмотря на непрекращающиеся исследования в этом направлении, за последние десятилетия содержание закрытого перечня, предусмотренного ч. 2 ст. 74 УПК РФ, фактически не претерпело никаких изменений. С другой стороны, пиетет к устоявшимся в науке формальным конструкциям весьма сложно сочетается с динамично изменяющимися общественными отношениями. Это неизбежно приводит к необходимости «адаптироваться к новым реалиям, вкладывая новые смыслы в традиционные понятия»⁴. Подход, который, как представляется, ведет к искажению границ определенных в науке понятий в попытках интегрирования в существующую систему качественно новой информации, требующей самостоятельного регулирования. В результате научная литература представлена

широкой палитрой мнений. Ю. А. Ложкин обращает внимание на отсутствие необходимости введения электронных доказательств, поскольку это «запутает систему доказательств, ведь электронные доказательства зачастую могут иметь признаки и вещественных доказательств, и иных документов»⁵. П. С. Пастухов полагает, что, вместо введения нового вида или источника доказательств, необходимо пересмотреть общее понятие «доказательство» таким образом, чтобы оно включало и сведения в виде электронной информации. В результате она сможет «восприниматься в одном из традиционных доказательств — вещественном доказательстве или документе»⁶. О возможности применения «традиционных доказательств» к информации, представленной в электронном виде, также высказывается С. И. Кувычков. Он предлагает предусмотреть возможность, при которой информация, представленная в электронном виде, будет «пребывать» в качестве информационного объекта в интернет-пространстве, доступ к которому должен быть обеспечен стороной на момент судебного разбирательства всем участникам процесса⁷. В 2016 г. Р. И. Оконенко обратил внимание на то, что современная отечественная доктрина не прошла необходимого пути для появления термина «электронное доказательство». При этом он отмечал, что в будущем «та или иная черта компьютерной информации может стать особенностью отдельного вида доказательств, так как одновременно будет влиять на обе его фундаментальные характеристики — относимость и допустимость, “пронизывать” их своим содержанием»⁸. При этом на момент проведения научного исследе-

⁴ Курс уголовного процесса / под ред. д. ю. н., проф. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. С. 445.

⁵ Ложкин Ю. А. О некоторых вопросах собирания электронных доказательств в рамках предварительного расследования уголовных дел // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 685.

⁶ Пастухов П. С. О развитии уголовно-процессуального доказывания с использованием электронных доказательств // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18–19 ноября 2016 г.): сборник научных статей / отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М.: Статут, 2017. С. 561.

⁷ Кувычков С. И. Использование в доказывании по уголовным делам информации, представленной в электронном виде: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. С. 14–15.

⁸ Оконенко Р. И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 33–34.

дования Р. И. Оконенко предлагал дифференциацию «электронных доказательств» на иные документы и вещественные доказательства⁹. Нельзя также не отметить, что с 2016 по 2020 г. количество исследований «электронных доказательств» существенно возросло. Одним из наиболее современных является учебное пособие под редакцией С. В. Зуева, содержащее в себе идею существования электронных средств доказывания, к которым относятся электронная информация, ее носители, электронные доказательства, а также правила их фиксации, копирования, изъятия, хранения и использования в производстве по уголовным делам. При этом С. В. Зуев указывает на то, что электронная информация может быть представлена в виде традиционных доказательств¹⁰. Наконец, нельзя не остановиться на позиции Л. В. Головки, весьма критично воспринимающего «ажиотаж» вокруг цифровизации уголовного судопроизводства. Поставив под сомнение радикальность некоторых теоретических подходов, ученый высказывается об отсутствии необходимости существования такого самостоятельного вида (источника) доказательств. В качестве аргументов приводятся рассуждения о способах изготовления и хранения существующих доказательственных форм; возможной процессуальной форме цифровой информации, а также наличии как у реального, так и у виртуального мира такого критерия, как динамичность. Л. В. Головка приходит к выводу о том, что доказательственные матрицы в обоих случаях идентичны, а результатом манипуляций с цифровой информацией должен быть протокол, поэтому отсутствует необходимость в закреплении нового вида следственных действий или бесконечной детализации п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Как появление автомобиля и телефонной станции не привело к появлению специальных правил их осмотра, так не должно это произойти и

с электронной информацией¹¹. Таким образом, даже среди сторонников сохранения существующей классификации доказательств путем ее переосмысления не наблюдается единообразного понимания.

При этом нельзя не отметить, что, решая проблему «электронных доказательств» де-факто, т.е. в условиях необходимости непосредственного применения на практике существующих доктринальных подходов здесь и сейчас, большинство ученых сходятся в возможности придания им формы вещественных доказательств либо иного документа. Такое решение в лучшем случае носит временный характер. Термин «электронное доказательство» прочно входит в обращение в научной среде вне зависимости от разнообразия демонстрируемых подходов.

Наиболее обоснованной представляется позиция ученых, в частности М. И. Воронина¹², высказывающихся о необходимости концентрации усилий научного сообщества на разработке критериев и содержания нового вида доказательства, особенностей его собирания, проверки и оценки. Ограничение содержания электронного доказательства исключительно постепенным появлением новой формы существования «традиционных» видов доказательств представляется спорным из-за нивелирования уникальности и потенциала этого нового источника сведений об обстоятельствах, подлежащих доказыванию.

В первую очередь неизбежное сравнение реального и виртуального пространства является весьма условным. В отличие от «реального мира», виртуальный всегда будет обладать критерием производности. Правила и условия его функционирования моделируются искусственно, могут корректироваться и адаптироваться под потребности участников общественных отношений либо, напротив, существенно ограничиваться, создавая внушительный буфер в про-

⁹ Оконенко Р. И. Указ. соч. С. 9.

¹⁰ Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве : учебное пособие для вузов / отв. ред. С. В. Зуев. М., 2020. С. 12.

¹¹ Головка Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 22–25.

¹² Воронин М. И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // Lex russica. 2019. № 7 (152). С. 74–84.

цессе юридической оценки действия (события). В уголовно-процессуальном смысле данное явление имеет колоссальные последствия — как в части расширения круга юридически значимых фактов, так и в части необходимости создания дополнительных процессуальных гарантий при получении и проверке сведений, а также при их сохранении в условиях длящегося характера уголовного судопроизводства. Типичным примером, демонстрирующим кардинальные различия виртуального и реального пространства, является появление «репóстов» (repost). Нейтральный по смыслу инструмент, позволяющий поделиться существующей в виртуальном пространстве информацией, зачастую находящейся в открытом доступе, приобрел общественный резонанс после широко обсуждаемых в СМИ попыток привлечения к уголовной ответственности¹³, а Верховный Суд РФ был вынужден дать дополнительные разъяснения по вопросу познавательной деятельности, осуществляемой по отдельным категориям уголовных дел¹⁴. В итоге была выявлена специфика предмета доказывания, которая отчасти нашла отражение в толковании правоприменителя. Однако потребность в формировании специфических правил познавательной деятельности осталась и могла бы быть удовлетворена введением нового вида (источника) информации и предъявлением к нему определенных требований.

В ответ на необходимость особого правового регулирования рассматриваемой сферы законодатель ввел ст. 164.1 УПК РФ, определяющую особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий. Однако можно ли заявлять о достаточности принятых мер? Вместо полноценной доктринальной разработки новых познаватель-

ных механизмов, уголовно-процессуальное нормотворчество пошло по пути устранения наиболее очевидных пробелов и урегулирования порядка взаимодействия с материальными носителями информации. Это породило массу новых вопросов в условиях отсутствия физического доступа к хранилищам электронной информации. Например, нахождение электронных носителей за рубежом под защитой иной юрисдикции либо вообще невозможность отследить первоисточник. Каковы критерии для определения достоверности такой информации, ее относимости и допустимости? Как определить информативность сведений в электронном виде? Все эти вопросы требуют самостоятельной теоретической разработки в рамках единой научной доктрины, формулирование которой невозможно без определения приоритета: «носитель или содержание»? Парадоксально, но сама постановка этого вопроса уже доказывает уникальность электронного доказательства как вида (источника) доказательств. Классическая доктрина с «традиционными доказательствами» не воспринимает даже саму идею обсуждения подобного, поскольку форма вещи в материальном мире неотделима от ее содержания. Между тем базовая проблема, продемонстрированная электронными доказательствами, состоит не в игнорировании этого аксиоматического правила, а в постановке вопроса о переосмыслении соотношения формы и содержания доказательства, получаемого на основе электронных сведений.

Познавательная деятельность в уголовном судопроизводстве основана на ретроспективном восстановлении совокупности фактических обстоятельств, нашедшей отражение в окружающей действительности. Анализируя последствия изменения этой действительности

¹³ Куликов В. Лайк не опасен : наказание за репосты в соцсетях декриминализовано // Российская газета. Федеральный выпуск. № 295 (7758) от 28.12.2018. URL: <https://rg.ru/2018/12/28/nakazanie-za-reposty-v-socsetiah-dekriminalizirovano.html> (дата обращения: 15.05.2020) ; Варыханов С., Попов Д. Роковая 282-я: как россияне начали сажать за лайки и репосты [Заголовок в газете: Конец великого репоста] // Московский комсомолец. № 27767. 27.08.2018. URL: <https://www.mk.ru/politics/2018/08/26/rokovaya-282ya-kak-rossiyan-nachinali-sazhat-za-layki-i-reposty.html> (дата обращения: 15.05.2020).

¹⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». П. 8 // Российская газета. № 142. 04.07.2011.

(следы), познающий субъект формирует образ произошедшего, который затем соотносится с уголовно-правовой конструкцией преступления. Для того чтобы зафиксировать следы изменения действительности, используются особые процессуальные механизмы собирания, проверки и оценки сведений, что позволяет получить итог познавательной деятельности — доказательства и их необходимую совокупность. В данном случае процессуальная форма выступает в качестве гарантии надежности не только получаемой информации, но и способа ее получения. По этой причине подмена одних следственных действий другими недопустима, поскольку их результат не выдерживает проверки на надежность. Например, некорректно проведение очной ставки с целью опознания лица, поскольку для этого существует самостоятельное следственное действие. Между тем и доказательства могут обладать различной степенью «надежности». По этой причине они традиционно разграничиваются на первоначальные и производные. При непосредственном восприятии юридически значимых сведений познающим субъектом речь идет о первых, при опосредованном — о вторых. В основном это связано с особенностями процесса слепообразования, в определенной степени изученного по отношению к реальному миру.

Однако существуют ли основания полагать, что такие алгоритмы познания применимы к виртуальному пространству, функционирующему по собственным правилам? Делать подобный вывод представляется по меньшей мере преждевременным, в первую очередь потому, что на данный момент в юридической науке еще даже не сформирован единый подход к определению того, может ли информация в электронном виде носить первоначальный характер. Если это возможно, то в каких случаях и при каких условиях? Пока теоретики анализируют возможность переосмысления процессуальной формы для появления «первичного» доказательства из сведений, содержащихся в электронной форме, правоприменитель традиционно пытается оформить их как производные, «вторичные» доказательства. Вместо признания доказательством файла, настоящий источник

хранения которого может быть труднодоступен, правоприменитель признает доказательством «образ» («фотографию») в рамках осмотра сайта. Вместо анализа приложения, находящегося в свободном доступе в сети Интернет, уголовный процесс ограничивается копированием на средства хранения дистрибутивов (программ для начального запуска) либо создаваемых подобной программой архивных файлов. Однако пока остается открытым вопрос о том, от чего производны эти доказательства, если правовая природа первичного еще не определена? Какую доказательственную ценность они могут нести и какие следы отражать? Так ли важна форма, если содержание становится условностью? Сформировавшийся в настоящее время практический подход можно проиллюстрировать, если заменить электронную информацию на объект реального мира, например на нож как орудие преступления. Трудно представить, что в процессе расследования уголовного дела нож не будет иметь процессуального значения, тогда как за основу познавательной деятельности будут приняты лишь его «образы», фотографии, рисунки или модели, пусть и искусно воссозданные.

Уникальность виртуального пространства, обладающего особой формой и наполненного юридически значимым содержанием, создает потребность в поиске новых познавательных инструментов. Одним из них может стать соотнесенное с виртуальным содержанием электронное доказательство, однако это потребует глубокой теоретической разработки и переосмысления процессуальной формы. Критерии электронного доказательства, бесспорно, еще только предстоит сформировать, но уже сейчас очевидно формирование «реперных точек», от которых необходимо будет отталкиваться в дальнейшем: аутентификация данных; обязательное привлечение на отдельных этапах лиц, обладающих специальными знаниями; введение особой системы санкционирования судом доступа к личной информации о гражданах, подлежащей защите, и т.д.

Другим аргументом в пользу необходимости признать самостоятельность «электронного доказательства» является незаменимость све-

дений, содержащихся в электронной форме, в случаях, когда следы преступления, оставленные в материальном мире, нерелевантны либо низкоинформативны. Одним из наиболее ярких примеров подобной ситуации стало дело в отношении математика Дмитрия Богатова, использовавшего программное обеспечение, позволяющее обеспечить анонимность в сети Интернет. Система приватности, заложенная разработчиками, заключается в перенаправлении зашифрованного трафика по цепочке серверов, последним, «выходным» звеном которого оказался компьютер Дмитрия Богатова. Следствие полагало, что Дмитрий Богатов является автором размещенного в сети Интернет текстового сообщения с призывами к насилию¹⁵. Однако проведенная позднее техническая экспертиза не смогла подтвердить связи с преступлением¹⁶. Уголовное преследование в отношении Дмитрия Богатова было прекращено, однако теоретические вопросы остаются. Что именно должно являться доказательством подобных преступлений? Программное обеспечение, установленное на определенном персональном устройстве; само персональное устройство или его часть, отвечающая за хранение информации? Каким образом юридически оценивать программное обеспечение, не требующее дополнительного сохранения в памяти устройства: системы удаленного доступа; системы дистанционного хранения данных («облачные» хранилища)? Какое уголовно-процессуальное значение для процедуры доказывания должно иметь хранилище информации с открытым доступом и почему оно должно быть вещественным доказательством или иным документом, если выступает исключительно в качестве «узла связи» и не содержит никаких иных сведений,

имеющих значение для установления фактических обстоятельств совершения преступления? Эти и другие вопросы требуют разграничения в теории и практике использования сведений в электронной форме и их носителей, в том числе с помощью последовательного законодательного урегулирования. В таком случае появление электронного доказательства становится неизбежной необходимостью.

Наконец, дополнительным аргументом в пользу выделения электронной информации в самостоятельный вид (источник) доказательств является ее потенциальная информативность, которая не только проявляется в различных аспектах, но и требует учета в процессе доказывания. Электронное доказательство — это не только сами сведения, но и иная значимая информация об этих сведениях (дата создания файла; дата последних изменений; информация об авторе; используемый формат файла; его размер и многое другое). Более того, познавательный потенциал сведений в электронной форме неизбежно растет с развитием технологий, позволяя обнаруживать ранее недоступные следы преступления: информация с кардиостимуляторов, фитнес-браслетов уже используется в других государствах для установления события преступления¹⁷. Сложно также переоценить изменения, произошедшие в познавательной деятельности в связи с повсеместным внедрением цифровых аудио- и видеозаписей. Зачастую они становятся каркасом процедуры познавательной деятельности, активно применяясь в процедуре доказывания. По заявлению В. А. Колокольцева, в 2018 г. система «Безопасный город» помогла в раскрытии 28 тыс. преступлений¹⁸. Согласно статистике Департамента региональной безопасности и противодействия

¹⁵ Источник сообщил о прекращении уголовного дела математика Богатова // Интерфакс. 17.05.2018. URL: <https://www.interfax.ru/russia/613202> (дата обращения: 15.05.2020).

¹⁶ Муртазин И. Отбили. Уголовное дело Дмитрия Богатова прекращено // Новая газета. № 52. 21.05.2018. С. 15.

¹⁷ Inspector gadget: how smart devices are outsmarting criminals // The Guardian 23.06.2017. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2017/jun/23/smart-devices-solve-crime-murder-internet-of-things> (дата обращения: 15.05.2020).

¹⁸ Более 28 тыс. преступлений в РФ в 2018 г. раскрыли с помощью системы «Безопасный город» // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6170230> (дата обращения: 15.05.2020).

коррупции г. Москвы в 2019 г. с помощью системы видеонаблюдения раскрыто 4 240 преступлений¹⁹.

При рассмотрении темы доказывания в контексте цифровизации следует уделить особое внимание и еще одному аспекту: в зарубежной литературе нередко используется термин *digital evidence*, т.е. «цифровое доказательство»²⁰. С учетом того, что содержание данного термина зачастую охватывает любую доказательственную информацию, содержащуюся в цифровом виде, некоторые ученые справедливо отождествляют электронное и цифровое доказательство²¹. Подобная условность вполне допустима, особенно учитывая, что любое новое понятие должно обладать набором уникальных качеств, позволяющих обосновать необходимость его существования. При этом процессы, проходящие в современной юридической науке, получили название именно «цифровизация». Имеет ли данное различие потенциал для научного осмысления? Представляется, что ответ на данный вопрос может быть утвердительным, если взглянуть на специфику использования технологий в уголовно-процессуальной деятельности и рассматривать сопротивление введению электронного доказательства как следствие нового этапа технологического развития общества.

Цифровизация в уголовно-процессуальном смысле ориентирована не столько на цифры, двоичный код или языки программирования, сколько на формирование нового подхода к возможностям выстраивания общественных отношений. Если на заре появления компьютеров их использование было привилегией, требующей самостоятельной подготовки, то теперь цифровое пространство развилось до состояния, когда оно максимально дружелюбно пользователю, открыто для исследования и в целом не ограничено возрастными рамками. В попытках адаптировать программное обеспечение под среднестатистического пользователя общество пришло к ложной иллюзии сходства реального и виртуального мира. Если электронное доказательство рассматривать как способ получения, хранения и оформления особого вида информации, то цифровое доказательство напоминает скорее «уникальный язык выражения» подобных сведений, который еще только предстоит освоить. В результате современный уголовный процесс фактически уже работает с цифровыми сведениями, однако применяет правила, разработанные для «аналоговых» форм получения и фиксации информации. Поэтому соотношение терминов «цифровое доказательство» и «электронное доказательство» также должно быть предметом научных исследований.

¹⁹ О выполнении Государственной программы города Москвы «Безопасный город» в 2019 году и задачах на 2020 год // Официальный сайт мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/drbez/documents/programma-bezopasnyi-gorod/view/237781220/> (дата обращения: 15.05.2020).

²⁰ Casey E. *Digital Evidence and Computer Crime*. Forensic Science, Computers and the Internet. 3rd ed. 2011. P. 7; ГОСТ Р ИСО/МЭК 27037-2014 «Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Руководства по идентификации, сбору, получению и хранению свидетельств, представленных в цифровой форме». М.: Стандартинформ, 2013. С. II.

²¹ См.: Зуев С. В. Указ. соч. С. 18.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Александров А. С., Андреева О. И., Зайцев О. А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 448. — С. 199–207.
2. Воронин М. И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // Lex russica. — 2019. — № 7 (152). — С. 74–84.
3. Головки Л. В. Курс уголовного процесса / под ред. д. ю. н., проф. Л. В. Головки. — 2-е изд., испр. — М. : Статут, 2017. — 1280 с.
4. Головки Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. — 2019. — № 1. — С. 15–25.
5. Кувычков С. И. Использование в доказывании по уголовным делам информации, представленной в электронном виде : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2016. — 34 с.
6. Ложкин Ю. А. О некоторых вопросах собирания электронных доказательств в рамках предварительного расследования уголовных дел // Пермский юридический альманах. — 2019. — № 2. — С. 678–686.
7. Оконенко Р. И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2016. — 158 с.
8. Пастухов П. С. О развитии уголовно-процессуального доказывания с использованием электронных доказательств // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18–19 ноября 2016 г.) : сборник научных статей / отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова — М. : Статут, 2017. — С. 558–566.
9. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве : учебное пособие для вузов / С. В. Зувев [и др.] ; отв. ред. С. В. Зувев. — М., 2020. — 193 с.

Материал поступил в редакцию 15 мая 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aleksandrov A. S., Andreeva O. I., Zajcev O. A. O perspektivah razvitiya rossijskogo ugovornogo sudoproizvodstva v usloviyah cifrovizacii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2019. — № 448. — S. 199–207.
2. Voronin M. I. Elektronnyye dokazatel'stva v UPK: byt' ili ne byt'? // Lex russica. — 2019. — № 1 (152). — S. 74–84.
3. Golovko L. V. Kurs ugovornogo processa / pod red. d. yu. n., prof. L. V. Golovko. — 2-e izd., ispr. — M. : Statut, 2017. — 1280 s.
4. Golovko L. V. Cifrovizaciya v ugovornom processe: lokal'naya optimizaciya ili global'naya revolyuciya? // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. — 2019. — № 1. — S. 15–25.
5. Kuvychkov S. I. Ispol'zovanie v dokazyvanii po ugovornym delam informacii, predstavlennoj v elektronnom vide : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — N. Novgorod, 2016. — 34 s.
6. Lozhkin Yu. A. O nekotoryh voprosah sobiraniya elektronnyh dokazatel'stv v ramkah predvaritel'nogo rassledovaniya ugovornyh del // Permskij yuridicheskij al'manah. — 2019. — № 2. — S. 678–686.
7. Okonenko R. I. «Elektronnyye dokazatel'stva» i problemy obespecheniya prav grazhdan na zashchitu tajny lichnoj zhizni v ugovornom processe: sravnitel'nyj analiz zakonodatel'stva Soedinennyh Shtatov Ameriki i Rossijskoj Federacii : dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2016. — 158 s.
8. Pastuhov P. S. O razvitii ugovorno-processual'nogo dokazyvaniya s ispol'zovaniem elektronnyh dokazatel'stv // Sed'moj Permskij kongress uchenyh-yuristov (g. Perm', 18–19 noyabrya 2016 g.) : sbornik nauchnyh statej / отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова — М. : Статут, 2017. — S. 558–566.
9. Elektronnyye dokazatel'stva v ugovornom sudoproizvodstve : uchebnoe posobie dlya vuzov / S. V. Zuev [i dr.] ; отв. ред. С. В. Зувев. — М., 2020. — 193 s.